

Сухарто — Urbanculture

IRL Люди
Политика

Война
История



Бапак пенбангунан **Хаджи Мухаммед Сухарто** (1921-2008) — эпичный воен аллаха, клерк, гроза всех коммуняк, экс-**коллаборант**, **профессиональный мясник**, ещё более профессиональный **гешефтмахер**, настоящий **индеец** яванец (Остров Ява с размером мышинный хер, в котором, на минуточку, проживает почти 150 мегарыл!) и прочее прочее. За более чем 30 лет правления украл десятки миллиардов долларов, продавал индонезийскую нефть и прочие ништяки, яростно дрович на США, насаждал западную культуру хорроров и эротики и главное - выпилил миллионы индонезийских коммунистов и сотни тысяч левых сепаратистов (Такого ужаса небыло даже в **Кампучии**!). Отметился оккупацией и резней Восточного Тимора — мелкого государства, получившего в 1975 году независимость от Португалии и тут же анально оккупированного Индонезией. Сия непокорная страна превратилась в сплошной концлагерь не хуже полпотовской Кампучии с резней гражданских, концлагерями и голодом и подлежала немедленному экстерминатусу. В результате индонезийской оккупации была уничтожена треть населения, а со статистикой населения страны до сих пор неразбериха — от 800 тыс. до 1,2 млн. Поговаривают, что уже после Сухарто, когда индонезийцы в 2000 году уходили оттуда, они напоследок собрали и утопили в океане двести тысяч восточнотиморских человек. Примерно те же зверства творились индонезийцами в западной части Новой Гвинеи, принадлежавшей Индонезии, где было и до сих пор существует национальное партизанское движение. Вынужден был уйти в отставку, во время массовых беспорядков 1998 года, начавшихся на фоне Азиатского финансового кризиса. После пидорения с поста тихо и под домашним арестом (воены вспомнили его историю со старыми замашками) **проводил лечение** и в 2008 году тихо двинул кони. До сих пор занимает первые места в спецолимпиаде по выпилу поголовья и отборному гуро. Ни Сосо, ни товарищ №87 такого не знали.



Пацан к успеху шел

Колониальная Голландия

Родился Сухарто 8 июня 1921 г. в семье крестьянина на острове Ява в Кемусук близ г. Джокьякарты. Отец его был распределителем воды на рисовом поле. Правда, были и богатые родственники: тетка по отцовской линии — жена процветающего предпринимателя Судвикатмоно. В их доме он жил с 9-летнего возраста. По окончании средней школы Сухарто стал работать помощником клерка в банке. Но эта работа его не устраивала, и с помощью богатых родственников он в 19 лет попал на учебу в военное училище в Комбонге. Учебу школоты осилила, и вскоре ей было присвоено звание сержанта. А ты, анон, продолжай рассказывать, как всё хуево в **армии** и ты ждал дембеля.

Дальше что вы думали? Набежали **джапы** по самую Джакарту. Сухарто получил назначение в Бандунг, где должен был служить в резерве, однако японцы заняли город прежде, чем он успел прибыть к месту службы. Чтобы избежать интернирования, он ушёл из голландской колониальной армии и вернулся в Вурьянторо как частное лицо. Поначалу яванцы восприняли японцев как братьев по расе, избавителей от голландского колониального владычества. Сухарто тогда пошел на службу в созданные ими полицейские формирования, а затем — в добровольческую армию ПЕТА. Вскоре стало ясно, что японцы — такие же колонизаторы, как и голландцы. Вот тогда в Индонезии сложилось движение Сопротивления, а ПЕТА превратилась в ядро национальной армии. В 1944 г. Сухарто обучался в офицерской школе в г. Богоре, откуда вышел командиром роты. Патриотические силы создали Национальный фронт, и 17 августа 1945 г. была провозглашена независимость Индонезии. В октябре, после ухода из страны японцев, создается БКП — первая армия молодой республики, в ряды которой вступил и сам Сухарто.



Индонезийский вопрос

После **ВМВ** началось то, что началось по всему миру. Сей четырёхлетний срач включал нерегулярные, но кровавые вооруженные конфликты, внутренние политические и общественные потрясения в Индонезии, а также два крупных международных дипломатических вмешательства. Буквально ни чем Сухарто там особым не запомнился, хоть воевал за свидомость. Подразделения, которыми командовал Сухарто, лишь с большой натяжкой можно было назвать армией. Это были слабо **вооруженные и плохо обученные крестьяне**. Тем не менее, используя партизанскую тактику, они успешно сражались с голландской морской пехотой.

Свидомость возникла ещё задолго до образования СССР. Индонезия входила в состав

нидерландской колониальной империи. В начале XX века в Голландской Ост-Индии возник ряд националистических партий, боровшихся за независимость государства. В 1913 году возникла партия "Индише партай". В 1918 году была предпринята очередная попытка обеспечить государству независимость и появилась новая националистическая партия. Лейдеры на этот раз решили поступить другим образом, и пригласило индонезийскую молодёжь в Нидерланды для дальнейшего обучения с целью "вырастить" из них покорное нидерландцам индонезийское правительство. Не получилось лейдерам **манкуртизировать** военнов Аллаха: в 20-е годы XX века теперь уже коммунизм в Индонезии приобрёл много сторонников и стал самым важным политическим движением. Симпатизировавшая индонезийским коммунякам нидерландская компартия проводила агитации в поддержку Индонезии и требовала признать её независимость. Но после восстания на Яве 1926-1927 годов тысячи индонезийских коммуняк были арестованы и отправлены в концлагеря. К тому времени **Сукарно**, один из студентов, отправленных в Нидерланды, вернулся обратно в Индонезию и занял руководящую должность. Во Вторую мировую войну он активно сотрудничал с японцами, помогал им, надеясь на то, что они предоставят свободу Индонезии. Большинство солдат родом из Ост-Индии к тому времени польстились лозунгом "Азия для азиатов" и не оказывали сопротивления. Но, как упомянулось выше, джапы не стремились.



После капитуляции Японии 15 августа 1945 года индонезийские поцреоты во главе с Сукарно решили провозгласить независимость государства. Ситуация сложилась подходящая: потрепанная лично австрийским художником Европа не имела достаточных сил для подавления мятежа, население по-прежнему поддерживало идею независимости. Дальше! Сукарно в одностороннем порядке провозглашает независимость Индонезии. Когда в середине сентября 1945 года первые британские подразделения десантировались на Яве для принятия капитуляции японцев, они обнаружили, что Республика Индонезия существует, в городах и сёлах действует гражданская администрация, созданы министерства и ведомства, поезда ходят по расписанию, есть у Республики и армия и полиция. Хотя британцы старались придерживаться нейтралитета, произошёл ряд вооружённых столкновений британцев с индонезийскими силами, наиболее крупными из которых стали бои в ноябре 1945 года в Сурабае, 2-м по величине городе Явы. Поведение же вернувшихся голландцев лучше всего описывает старая фраза **"ничему не научились и ничего не забыли"**. На словах Нидерланды соглашались предоставить Индонезии независимость после переходного периода, но не намеревались вести об этом переговоры с "коллорабационистами, экстремистами и военными преступниками". А командующий голландских сил адмирал Хелфриш отметил заявлением, что "национализм хорошо лечится телесными наказаниями".

Из-за развязанного голландцами и их приспешниками террора в Джакарте, в конце 1945 года руководство Республики было вынуждено перебраться в духовную столицу Явы, Джокьякарту, под защиту султана Хаменгкубувоно IX, одного из немногих индонезийских феодальных правителей, поддержавших Республику. Сукарно назначил премьер-министром Сутана Шарира, передав ему часть своих полномочий. Хорошо известный в европейских социалистических кругах и не запятанный сотрудничеством с японцами Шарир активно пропагандировал новую Республику за границей, обеспечив ей немалую поддержку левых в Европе и США. Дальше **англичанка** покинула Индонезию в ноябре 1946 года, перед уходом добившись подписания компромиссных Лингаджатских соглашений, которыми голландцы признавали власть Республики Индонезия на контролируемых ею территориях Явы, Суматры и Мадур. До 1 января 1949 года должны быть созданы независимые СШИ.

Тем временем, 4 октября 1945 в Батавии начали высаживаться части нидерландской армии, которые начали уничтожение всех местных группировок. В их цели также входило восстановление нидерландской власти в Индонезии. Начало расти количество вооружённых столкновений. На Суматре началась партизанская война. Затем, с более широким размахом, она началась и на Яве. 10 октября попал в засаду и был уничтожен патруль Великобритании. В тот же день начался штурм города Семаранг, принадлежавшего индонезийцам. В штурме приняли участие японские военнопленные.

Но под давлением международного сообщества голландцам **пришлось** возобновить переговоры с Республикой и в январе 1948 года на борту американского военного транспорта "Ренвилл" было подписано новое мирное соглашение. Индонезийцы сохранили контроль над третью Явы со всего двумя крупными городами (Джокьякарта и Суракарта (Соло) и тремя четвертями Суматры, лишившись важнейших продовольственных и горнодобывающих районов, крупнейших морские портов. Потеря основных продовольственных районов, наплыв беженцев резко ухудшили социально-экономическое положение Индонезии, возникли трудности с поставками продовольствия и медикаментов, цены на товары первой необходимости удвоились. Однако, индонезийские силы, не собираясь вступать в прямые бои с голландскими войсками, отступили на заранее подготовленные базы в сельской местности и горах, развернув широкомасштабную партизанскую войну. Они взрывали мосты, минировали дороги, устраивали засады на вражеские конвои, перерезали телефонные линии связи, взрывали железные дороги. В результате к марту 1949 года наземное сообщение между городами Явы было фактически парализовано, голландцы потеряли до половины бронетехники, многие гарнизоны снабжались только по воздуху. Операция вызвала всеобщее возмущение в мире. В марте 1949 года конгресс США замораживает помощь Голландии по "плану Маршалла", США и Великобритания вводят эмбарго на поставки оружия, Австралия, Новая Зеландия и Индия объявляют полный бойкот голландским товарам. В мае голландцам пришлось согласиться на мирные переговоры при посредничестве ООН, в августе вступило в силу перемирие. Казалось бы лейдеры могли бы взять и попятить ещё слабую Индонезию, но началась мировая травля над

ними. Вот так и получилось, что все эти подобию российских Якутий, Бурятий и примкнувших к ним Чечней удалось присоединить почти без отборнейшего гуру. Но всё интересное ещё впереди.

Пришел, увидел, захватил

По окончании войны Сухарто занимал ряд командных и штабных должностей, но звание полковника получил только в 1957 г. После этого началось очень быстрое продвижение по служебной лестнице. К 1962 г. Сухарто уже командовал бригадой, ему присвоили звание генерал-майора. В январе 1963 г. ему поручили возглавить операцию по освобождению Западного Ириана, все еще находившегося под властью Голландии. Опираясь на военную помощь СССР, Сухарто со своей задачей успешно справился. Затем, до октября 1965 г. он командовал войсками стратегического резерва сухопутных сил.

30 сентября 1965 г. коммунисты при поддержке батальона охраны президента Сукарно, рассчитывая на помощь Китая, предприняли попытку государственного переворота. При этом была уничтожена большая часть генералитета. Один из немногих, кому удалось спастись, был генерал Сухарто. Он сумел вывести из столицы страны Джакарты ненадежные части и двинуть к городу верную дивизию «Селиванги». Уже к ночи 1 октября столица оказалась в его руках. После подавления мятежей в стране начался террор, направленный против коммунистов и сил, их поддерживающих. Для них на островах, в местах с очень плохими природными условиями, в основном в болотистых районах создавались концлагеря. Часть коммунистов расстреляли сразу, а остальных бросили за проволоку. Там в отношении них был допущен каннибализм со стороны местных племен. Так что террор Сухарто начался уже вовремя гос.переворота, каких-то пол-ляма коммуняк и полтора-ляма мимокрокодилов.



После этих событий армия оказалась на вершине пирамиды власти. С этого момента начался политический взлет генерала Сухарто. В марте 1966 г. он был назначен заместителем премьер-министра и министром обороны и безопасности, командующим сухопутными войсками. В его руках сосредоточилась громадная власть. Тогда же началось отстранение от власти президента Сукарно и формирование режима «нового порядка». В феврале 1967 г., после того как Сукарно сложил полномочия, Сухарто стал и.о. президента страны, а с марта следующего года был избран президентом.



Как президент

Первоначально командование вооружённых сил рассматривало Сухарто в качестве переходной фигуры, надеясь позже отстранить его от власти, однако он лохом быть отказался и решил показать всем кузькину мать. Сначала Сухарто разорвал все отношения с СССР и КНР, потом повернул страну на Запад, заручившись поддержкой США. Именно американские экономисты разработали план реформ, в которых сам Сухарто, будучи военным, не был достаточно компетентен. Сухарто взял под свое покровительство технократов и интеллектуалов, в основном выпускников американского университета Беркли. Этим молодым людям было доверено управление расшатанной при Сукарно экономикой. В 70-х гг. Индонезия добилась самообеспечения рисом, сократила зависимость экспорта от нефтегазового комплекса. Резко возросли нефтяные доходы, которые пошли не на наращивание военной мощи, а на экономическое строительство. Армия при этом сократилась почти вдвое. Большую роль в экономике страны играли китайцы: составляя всего 3 % населения, они контролировали более трети ВВП. В их руках находилась почти вся местная розничная торговля. Китайцы доминировали в частных предприятиях, страховых компаниях, фармацевтической промышленности. Но из сферы политики они были исключены. Хотя Сухарто мусульманин и даже совершил со своим семейством паломничество в Мекку, Индонезия всегда отличалась веротерпимостью: все религии теоретически поставлены в равное положение. Президент не раз использовал армию для борьбы с фанатичными сторонниками тотальной исламизации страны. Армия привлекалась и для борьбы с сепаратизмом, зачастую принимавшей самые жестокие формы. За несколько лет правления Сухарто страна вышла из экономического кризиса, а с 1970-х годов стала показывать стабильные темпы роста. Развитие Индонезии не особо повлияло на благосостояние населения, так к концу 20 века только каждый пятый жил на более 1 доллара в неделю. А разгадка одна: Сухарто и его льстецам оставалось делать несколько нехитрых операций – класть большую часть в свой карман, сытно кормить армию с охранкой и подкармливать народ. В историю вошла знаменитая фраза индонезийского министра финансов: «Я ни черта не смыслю в экономике, и поэтому я идеальный министр для нашей республики».



Немногочисленные политические партии прочно сидели «под пятой» «Голкара» – гигантского по численности пропрезидентского формирования. Укрепив власть, Мухаммед Сухарто и не подумал использовать ее во благо и поставить страну на путь прогресса (так как это сделал в соседнем Сингапуре гениальный Ли Куан Ю или в Малайзии доктор Махатхир Мохаммад). Он на всю жизнь остался тем, кем был в самом начале, – хитрым деспотом, умеющим удерживать власть, но не способным использовать ее для подлинного обновления страны. Сегодня в заслугу Сухарто



ставят сохранение целостности страны. Но ларчик открывался просто – все попытки отделиться умирлялись вводом войск и массовыми расстрелами. Целостность страны держалась исключительно на армии и полиции. А армия и полиция держались на «сырьевых деньгах». Закончились деньги – и Индонезия потеряла Восточный Тимор, а потом вынуждена была согласиться с автономией провинции Ачех.

Этносрачи сабжа

Восточный Тимор

Итак, вплоть до 1975 г. Восточный Тимор был наиболее отсталой колонией наиболее отсталой из всех европейских колониальных империй — Португалии (владения которой включали нынешние Анголу, Мозамбик, Гвинею-Бисау, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи, а также Макао, по-китайски Аомынь, и ряд индийских прибрежных территорий с центром в Гоа). Основанная в 1970 г. Тиморская социал-демократическая ассоциация, переименованная спустя некоторое время в [Революционный фронт](#) за независимость Восточного Тимора (более известный по аббревиатуре ФРЕТИЛИН), боролась за национальное освобождение и требовала немедленной независимости. Общие черты ФРЕТИЛИН, провозгласившего своими принципами «универсальные доктрины социализма» и «право на самоопределение», напоминали революционные движения левого толка в других португальских колониях — ФРЕЛИМО в Мозамбике, МПЛА в Анголе, ПАИГК в Гвинее-Бисау и Кабо-Верде (после распада Советского Союза в 1990-х гг. все они перешли на социал-демократические позиции и были приняты в [Социалистический Интернационал](#) — ФРЕТИЛИН имеет там консультативный статус).



Тимор, такой Тимор.

Чтобы не допустить к власти в Дили левых, Сухарто и его пиздобратия БАКИН, разрабатывая программу под кодовым названием «Операция Комодо», предоставляли помощь ряду альтернативных организаций, таким образом внося разлад в единство тиморских активистов. Одновременно она осуществляла психологическое давление на тиморцев — в частности, индонезийская радиостанция в западнотиморском Купанге транслировала в эфире записи пулеметных очередей, которые прерывались угрозами в адрес жителей Восточного Тимора, не желающих [воссоединения](#). Среди получателей индонезийских материальных средств особенно выделялась АПОДЕТИ (Народно-демократическая ассоциация Тимора), требовавшая тесной интеграции с Индонезией. АПОДЕТИ, в которую влилась заметная доля людей, запятнанных коллаборационизмом с японскими оккупантами, провозглашала себя выразителем интересов мусульманского меньшинства, чем контрастировала с подчеркнуто светским фронтом ФРЕТИЛИН (в который входили как выходцы из католического большинства, включая священнослужителей, так и мусульмане, в частности, нынешний генеральный секретарь партии, йеменец в третьем поколении Мари Алкатири; открытость для представителей всех тридцати этнических групп, которые проживают на острове, стала залогом широкой поддержки движения). Помимо ФРЕТИЛИН и АПОДЕТИ, в политическом спектре присутствовали также УДТ (Демократический союз Тимора), опиравшийся на [традиционные элиты в их стремлении сохранить Тимор в «тени португальского флага»](#), и маргинальная монархическая КОТА (Ассоциация тиморских героев), состоящая преимущественно из местных вождей (лиураи).

Местные выборы, состоявшиеся весной 1975 г., показали, что щедрое финансирование из Джакарты не помогло противникам независимости из АПОДЕТИ — победу одержали их оппоненты, ФРЕТИЛИН (более 55% голосов) и УДТ. Сухарто соснул хуйца. Хотя последние две партии ещё выступали на выборах единым блоком, вскоре проявились очевидные разногласия между партией феодальной верхушки (УДТ) и народной партией крестьянства и радикальной интеллигенции (ФРЕТИЛИН). В июне 1975 г. силы ФРЕТИЛИН, возглавляемые бывшим португальским кадровым военным Жерменгильдо Альварешем, заняли Окуси, небольшой анклав португальской территории в Западном Тиморе; тем не менее, в результате переговоров они согласились разделить власть с УДТ, что казалось прологом будущего независимого пути Восточного Тимора. Но этим надеждам не суждено было сбыться: в ночь на 11 августа 1975 г. УДТ при поддержке местной полиции осуществил переворот, заняв столицу владения Дили. Заговорщики арестовали свыше 80 сторонников ФРЕТИЛИН, после чего казнили нескольких активистов фронта. В ответ на террор со стороны проиндонезийских сил и бездеятельность свергнутого губернатора, ФРЕТИЛИН, всё это время пытавшийся заручиться поддержкой португальской администрации, формально подчиненной левоцентристскому правительству в Лиссабоне, разуверился в поисках внешней поддержки и перешел к решительным действиям. До конца сентября 1975 г. силы УДТ были отгеснены к индонезийской границе регулярными частями, перешедшими под контроль ФРЕТИЛИН. Однако там к непосредственным военным операциям против восточнотиморских войск присоединились и силы индонезийской армии, [не гнушаясь убийствами мирных жителей](#) (в частности, пяти австралийских тележурналистов в Балибо).



Коммуняки отакуэ!

И вот Сухарто решил, что воссоединение зафейлено, и сохавал на 24 года в [БАО](#) Восточный Тимор. Что же позволило индонезийскому диктатору беспрепятственно оккупировать независимое государство и начать физическое уничтожение его населения? То же, что десятилетием раньше позволило ему истребить огромное количество политических противников, преимущественно коммунистов, внутри собственной страны — молчание «мирового сообщества» и «зелёный свет» для репрессий со стороны Соединенных Штатов. А хуле коммунякам отдавать? Пусть Сухарто их попускает. Победа во Вьетнамской войне

социалистического Севера вновь вызвала параноидальный страх в кругах американского истеблишмента: опасение «распространения коммунизма» в Азии сообразно «эффекту домино» побуждало правящие круги США к агрессивному противодействию любому более или менее радикальному национально-освободительному движению в регионе. Поддержка на словах, предоставленная левой ирредентистской партии ФРЕТИЛИН со стороны Китайской Народной Республики, была для Вашингтона достаточной, чтобы провозгласить тиморское национально-освободительное движение коммунистическим и санкционировать расправу над ним руками индонезийской военщины. Крайне показательно, что в день вторжения Сухарто встречался в Джакарте с президентом Джеральдом Фордом и госсекретарем Генри Киссинджером. Последний, лауреат Нобелевской премии мира, посоветовал индонезийскому диктатору «действовать быстро» в отношении Восточного Тимора (вспоминая позже эту встречу, Киссинджер набрался наглости утверждать, что тема вторжения на ней даже не затрагивалась). Ещё за полгода до этого события, 5 июля 1975 г., эта же тройка джентльменов встречалась в Кэмп-Дэвиде; прошло как раз два месяца со дня окончательной победы коммунистов во Вьетнаме. Ещё тогда Сухарто заявлял по поводу Тимора, что все сторонники независимости «находятся под коммунистическим влиянием», обращая особое внимание на активистов ФРЕТИЛИН из числа студентов-маоистов, принимавших участие в революционных событиях в Португалии. Объявив восточнотиморских борцов за свободу «левоэкстремистской угрозой», главы государств одновременно сошлись на мысли, что камбоджийские «красные кхмеры» полностью устраивают их в качестве противовеса «советско-вьетнамскому экспансионизму».

Вторжение в Восточный Тимор оказалось камнем преткновения для самого Сухарто, ведь вся власть держалась на армии. Сам Сухарто был порой очень хуевым менеджером, часто **воровал и поднимал экономику только с пиндосных методичек**. Геноцид, осуществленный индонезийской армией в Тиморе, был бы невозможен без постоянного поступления вооружения стоимостью свыше миллиарда долларов от «западных демократий» — Великобритании, Франции, Австралии и, конечно же, США. 90% оружия, которое применялось индонезийскими силами во время вторжения, было произведено в США; американцы тренировали одиозные эскадроны смерти «Копассос», пользуясь богатым опытом подготовки ультраправых офицеров и парамилитарес в Центральной Америке. А представитель США Даниэл Патрик Мойнихэн мог успешно заблокировать в Совете Безопасности ООН попытки ввести санкции против агрессора (естественно, Совбез единогласно призвал Джакарту вывести войска из Восточного Тимора, но она могла держать их там неограниченный срок под видом «их-там-нетов»; а уже через год США не дали ход попыткам мелких государств типа Гвинеи-Бисау или Исландии инициировать действия для обеспечения самоопределения народа Тимора-Лешти. Поэтому хотя Генеральная Ассамблея ООН и приняла предложенную Алжиром, Гайаной, Кубой и Сенегалом резолюцию, не признававшую оккупацию Восточного Тимора, ничего более существенного, чем церемониальное осуждение нарушения хунтой Сухарто международного права, международные организации не сделали. Простыми словами: **Демократы одобряют(!) этноцид(!) в чужой территории(!!!)**).



А этот умолял ООН не признавать террор.

В результате индонезийской оккупации были убиты, замучены или доведены до голодной смерти в общей сложности от 150 000 до 250 000 человек (соответственно, от 1/5 до трети населения), почти столько же стали беженцами. Было уничтожено 80% жилищ. Люди принудительно загонялись в «стратегические деревни» — так политкорректно назывались индонезийские концлагеря, вдохновленные аналогичным опытом правых диктаторов Южного Вьетнама. В стратегических деревнях население Тимора в свободное от подневольной работы время заставляли изучать **бахаса индонесиа** (введенный на всей территории Индонезии новый официальный язык на основе малайского) и проявлять уважение к государственной символике «нового порядка» Сухарто. Эксплуатация естественных и человеческих ресурсов Восточного Тимора достигла уровня, невиданного даже во времена португальского господства. Вхождение в состав Индонезии стало для тиморцев «новым изданием» колониализма в полном смысле этого слова: местный хозяйственный комплекс был полностью ликвидирован, а промышленность задушена в зародыше. Даже продовольствие и медикаменты доставлялись на остров исключительно из Индонезии. Ужасы, осуществлённые в Восточном Тиморе, заставляли вспомнить о самых тёмных страницах планомерного уничтожения целых народов в XX веке, включая нацистский террор и **геноцид армян** в Османской империи.

Сухарто резал тиморцев-лешти вплоть до 2000 года. Причина проста: На руинах Стрелкославии опять южно-славяне не поделили в Косово и Гейропе с США стало не до Индонезии. Бабло кончилось, скажем спасибо самому Сухарто и его склонности пиздить бабло похлеще Пыни. Пришлось выводить войска с Восточного Тимора.

Западная Новая Гвинея

Продолжаются ещё с времен Сукарно и не утихают по сей день, но такого гуру как в Тиморе не было, ибо это скорее было банальное показывание голый жопы друг другу, чем перестрелка бабуинов. В начале 1960 года создаётся специальная межведомственная рабочая группа во главе с заместителем начальника генштаба полковником Магендой. Она готовит два варианта дальнейших операций: возобновление засылки партизан (план А) и широкомасштабное вторжение с использованием регулярных армейских подразделений (план Б). Решено начать осуществление плана А, при этом активизировать перевооружение армии. К подготовке партизан привлекли индонезийский спецназ – будущий Копассус в то время назывался РПКАД (Ресимен Пара Командо Анкатан Дарат – армейский полк пара-коммандос). В целом

особого успеха они там не добились(дипломатические отношения с Индонезией были разорваны и туда были дополнительно направлены голландские войска), но это привело к тому что голландское правительство вынуждено было 15 августа 1962 подписать в Нью-Йорке соглашение о передаче Западного Ириана под управление Временной исполнительной администрации ООН.

В 1965 году была создана организация "Движение Свободное Папуа" изначально это была мирная оппозиционная центральному правительству общественная организация которая выступала за объявление независимости от Индонезии Западного Папуа и соответственно [продвигало эту идею среди населения](#). "Референдум" проводился с 14 июля по 2 августа 1969 года, но вместо голосования всего населения, решение было принято 1025 специально выбранными делегатами, правительство Индонезии отказалось проводить всеобщий референдум ссылаясь на то, что в соглашении 1962 года ничего про него не говорится.(По описаниям вопрос был один, вариантов ответа пять-шесть, но они не предусматривали отрицательного). Остальные 650 тысяч поняли что за них в общем то все давно решили и не все с этим решением согласились, в том числе другие государства выразили сомнения в честности такого выбора. Так в августе 1969 г Западный Ириан стал частью Индонезии.



Естественно организация "Движение Свободное Папуа" не признало референдум действительным и вполне справедливо утверждало что если бы референдум проводился как положено среди всех жителей, то была бы образована Республика Западное Папуа. Поэтому они после референдума объявили что Индонезия подвергла военной оккупации Западный Ириан. В 1973 центральные индонезийские власти в знак увековечивания владения территорией переименовали провинцию Западный Ириан в Ириан-Джая(Победный Ириан). Дальше этот конфликт перерос в рутинное сидение по кустам со стороны папуасов и сидение в Джакарте со стороны военных Аллаха.

Закат

В 1997-1998 годах всю Юго-Восточную Азию (а за ней и весь мир) охватил экономический кризис. Безудержный рост цен на продукты и товары первой необходимости поднял волну массовых выступлений. Индонезийская валюта обесценилась почти на 80%. И очередное переизбрание генерала на президентский пост стало последней каплей – на улицу вышли десятки тысяч студентов. Нельзя сказать, чтобы власть растерялась или испугалась. Поначалу демонстрации не сильно волновали стареющего диктатора. На его стороне были полиция и войска – им противостояла неорганизованная и безоружная толпа мирных граждан. О переговорах с бунтарями никто и не думал – полиция и войска открывали огонь, не ожидая приказа. В итоге за три «баррикадных» дня погибли 12 тыс. человек, но людей на улицах становилось все больше. Впервые в своей долгой жизни генерал с удивлением обнаружил, что пуля не всегда является последним аргументом в споре.



Азия, это вам не Европа – революции здесь не бывают «бархатными». Почти немедленно вслед за демонстрациями и массовыми расстрелами начались погромы. Часть солдат и полицейских присоединилась к мародерам. Столица Джакарта (а за ней и вся страна) стремительно погружалась в хаос.



Не на шутку перепуганный диктатор неожиданно обрел давным-давно утраченный здравый смысл. Наскоро посоветовавшись с американцами (которые много десятилетий заботливо опекали властителя Индонезии), он почел за благо уйти добровольно, не дожидаясь пока его разорвет разъяренная толпа или собственные соратники всадят пулю в затылок. Это решение спасло ему жизнь и он не стал испытывать судьбу [Чаушеску](#). Сухарто отказался от власти и заявил, что собирается вести жизнь обычного пенсионера. Не вышло – как только за Сухарто захлопнулась дверь кабинета, общественность потребовала начать расследование. Обвинения в коррупции были предъявлены не только самому экс-диктатору, но и его семье. Но сабжу было похуй, потому что он уже умирал.

